

Сына, Серёжку моего забрали в армию. Непросто, как и всем родителям, далось это, да взросление сына пришлось на девяностые годы, и то, что варили супы из химических кубиков, не платили совсем зарплату, было не самым страшным. Вот когда иномарка, сбившая сына, скрылась с места преступления, и сын лежал в больнице, а я и не знал, жив он или нет, вот это было страшно, душу саднило так, что спасу не было.

Водителя того так и не нашли, но да Бог ему судья, слава Богу, сын выжил. Всё это время, пока шло оформление документов, лил дождь. Мы с женой Ириной, друзьями Сергея стояли, и ждали, когда наконец выйдут с документами призывники, ожидание это показалось мучительным. Сестра жены Татьяна сбегала в магазин, купила горячий хлеб в виде лепёшек, это немного, но скрасило ожидание. Кто-то всё время то включал, то выключал иностранную музыку, мама моя Анастасия Андреевна говорит про такую музыку: «Как собаки воют», обидно, конечно, бывает, ведь слава Богу, и у нас есть действительно хорошие музыканты.

И вот почти через два часа отправляющихся на военную службу отпустили из здания военкомата. Серёжка подбежал к нам, быстро стал рассказывать про симки, которые им выдали, что будет звонить домой только он, ему можно посылать только СМС.

Жена достала из сумки ещё тёплую лепёшку, и сын жадно вцепился в неё зубами, все засмеялись, и каждый разобрав по кусочку, быстро съели хлеб насущный, во все века святой хлеб. Заиграл «Марш славянки», призывники с родителями, друзьями потянулись к большому современному автобусу, окна у него были все затемнённые, так что не как в поезде - не увидишь, куда рукой помахать.

Современный дизайн немного злил душу. Попробуй вот вырасти сына, а тут эти тёмные стёкла. Обнялись, сын велел беречь мать, а жене велел беречь отца, то бишь, меня. Огромный автобус отходил до Шелехово, путь длиною многим более шестисот километров. Я осенил автобус с будущим воинством летучим крестом. Сегодня утром батюшка Георгий причастил Сергея и благословил на службу в армии.

Старушки нашего храма молились за Сергея и дали ему в дорогу две иконки, трогательно всё это, до боли родное, именно в такие моменты становишься как-то ближе к Отчизне, ощущаешь соборность нашего многострадального народа, и это совершенно точно не громкие слова, потому как из души всё идёт.

Володя Алпатов привёз нас с женой из центрального Братска, в наш родной Гидростроитель. Пока ехали, стало понятно, что дождь окутал весь наш раскиданный

на дальние дали город Братск, и если бы нынче ездили, как встарь, на лошадях, то даль эта, может так статья, показалась бы бесконечной. Вернувшись домой, купил бутылку водки, выпил половину и понял, что толку от горькой не будет. На следующий день, съездив на биржу труда, стал читать книгу Анатолия Байбородина «Не родит сокола сова».

Чтение удивительно талантливого сибирского писателя успокоило душу. Вспомнился мне вдруг Петя Петруняк, подумалось, может напишу об этом человеке, сделал заметку карандашом, чтобы не забыть. На следующий день вечером пришли друзья Сергея, по просьбе сына, надо было что-то сделать с компьютером. С друзьями пришёл мальчонка, назвался Мишей. Говорил охотно, даже смело:

— Я Миша, мне семь лет. Пойду в школу, читать умею.

Мальчик мечтал освоить несколько современных специальностей, но что меня поразило, хотел взять имя и фамилию какого-то новомодного певца, чтобы зарабатывать пением большие деньги. Я поднялся, достал из серванта детскую книгу, протянул Мише, он быстро пролистал, и хоть там были воистину замечательные рисунки художницы Лены Фабричниковой, не проявил к книге никакого интереса. Но когда я сообщил, что это моя книга, то мальчик, выпучив глаза сказал:

— Чо, реально, что ли?

Я подошёл к шифоньеру, достал медаль от русской православной церкви, дал её в руки мальчику, он с немалым любопытством разглядывал изображённого на медали патриарха Тихона, я же говорил:

— Видишь, Миша в документе сказано, что медаль вручена мне, там мои имя и фамилия, и это, поверь, друг, намного приятнее, чем, если бы мне её вручили под чужой фамилией.

В разговоре выяснилось, что фамилия мальчика Красняк. Я подарил ему книгу, и невольно подумал: «Петруняк, Красняк, именно в этот день, когда я подумал о Петре, пришёл этот мальчик, вроде, как звание получается».

О каждом человеке можно много написать, за жизнь происходит много разностей. У кого семья, дети, и всё более или менее благополучно в жизни, разумеется, я за них рад. Но у Пети не было семьи, и находились в нашем радиаторном цеху люди, которые считали Петра придурковатым. Работал Петро слесарем, и как-то взялись в цеху сделать ремонт туалета, надо было отбойным молотком убрать часть стены, да и запах там был, мягко говоря, не из приятных. Слесаря похитрее нашли причины, чтобы отказать от такой работы. Петруняк же, не раздумывая, взялся за работу. На перекуры он приходил к нам на механический участок весь в цементной пыли. Глядя на грязное лицо Пети, слесаря очень уж откровенно радовались, что не им досталась эта работа, а он не унывал, короткими фразами что-то говорил, и улыбался чему-то.

Настали девяностые, страшные и беспощадные для нашего сердобольного, многотерпеливого народа годы. Работал на нашем правобережном погосте тогда мой одноклассник по СПТУ №27 Володя Львов. Он говорил мне в эти окаянные годы: «Вот, Толик, по восемь, десять человек в день хороним». Зарплату то не платили совсем, то давали авансы или продукты.

За долгие годы в нашем радиаторном цеху прохудилась крыша. Сварщики изготавливали нужные стране котельные установки, но, когда лил дождь, то работа прекращалась из-за худой крыши, замыкал или сторал центральный трансформатор. А ежели и не сторал, то была другая оказия, по всему бетонному полу цеха были лужи. Начнёт сварщик работать, а его током бьёт, знамо дело, в такие моменты жизни матерились мужики на начальство.

И вот нам с Петром дали задание залатать крышу. Залезли мы с Петром на огромнейших размеров крышу и ахнули: слишком бледно мы смотрелись на таком обширном фронте предстоящих работ. Облегчало нашу задачу то, что крыша была местами сделана из стеклянных пролётов, через которые и проходила дождевая вода не давшая работать сварщикам. Вооружившись матерчатой лентой и краской, которой красили радиаторы и которой было в цеху так много, что можно было ею выкрасить весь город, мы начали кропотливую работу. Меняли стёкла, по всем швам стеклянных пролётов прокладывали матерчатую ленту, затем обильно, не жалея, красили.

На солнышке краска, которую называли «грунтовкой», засыхала быстро. Работали с Петром живо, по-другому с ним было нельзя, не любил он сачковать, и когда нам в помощь дали ещё двух молодых людей, то те поначалу брыкались, но своим могучим видом Петруняк быстро поставил их на место. Огромная крыша бежала во многих местах, но за два месяца мы её всё же подлатали. Начали мы с того места где работали сварщики, и когда через неделю полил

сильный дождь, то они продолжали спокойно работать. Глядя на это, мы с Петром улыбались, было как-то хорошо на душе, просто хорошо и всё.

После того, как мы заделали все стеклянные пролёты, стали убирать мусор с крыши. Бывало нагрузим полные носилки, несём с Петей, у меня от тяжести руки трясутся, пальцы разжимаются, говорю ему, что, мол, давай Петя меньше груза накладывать. Ни в какую наш бригадир не соглашался, удивительным тружеником был Петро.

Как-то после обеда, всегда до этого особо не разговорчивый, Пётр вдруг заговорил:

— В молодости на разных стройках работал, каких только людей ни повидал. Драться приходилось не раз, не любил блатных, хитрых.

Петро вдруг замолчал, посмотрел на меня, словно думая, рассказывать ли мне, глаза его были большими и круглыми как пятак, но в этот момент взгляд был почему-то грустным, и он продолжил тихую размеренную речь:

— Понимаешь, девушка там на одной стройке была, красивая, и вот парень с ней один переспал, другому рассказал об этом, и тот переспал, словом, пошла по рукам девушка. Мне, понимаешь, за неё стыдно было, это трудно понять, но, понимаешь, за неё стыдно мне было. Ну, думаю, что ты делаешь, а главное - зачем? Уедут строители, и никто на тебе не женится. Зашёл однажды в строительный барак, а там эту девушку всяко-разно осуждают, плохо, словом, говорят. Одному-то я сразу два зуба выбил, потом ещё двух свалил, а с десятком здоровенных парней разве справишься, побили меня шибко. Я ведь, видишь, какой страшный уродился, разговариваю не очень хорошо, потому ни одна женщина на меня не поглядела. А вот до сих пор, веришь, до сих пор, жалко мне ту девушку.

Был Петро небольшого роста, но коренаст, широк в плечах, лицом, и вправду, не вышел, но силища в его организме была огромнейшая, и необыкновенно добрый он был. Услышав такое признание, мне вдруг вспомнились ухмылки наших некоторых слесарей, стало как-то тошно, как же далеки вы от чистоты души Петра. Да, у вас семьи, и для вас он придурковатый, но вот нет в вас того, что в душе у Петра...

Однажды на перекуре к нам подошёл Петро, был он сильно бледен, меня поразило, как он медленно опускался на лавочку. Знал я, что на заводе редко кто мог с ним посоперничать в поднятии гирь, потому, и спросил, что, мол, с ним. Петро поднял повыше голову, и я разглядел уже совсем очевидно совершенно бледное его лицо, и он тихо говорил:

— Понимаешь, аванс дали, а сам знаешь, сколь нам денег не давали. Пошёл я в девяносто первый магазин. Увидел грудинку, так мне её захотелось, слюнки потекли. Купил, дома поел, и вот скрутило, всю ночь не спал, температура, понос, думал, вот и настал мой час смерти. В шесть утра вдруг вспомнил про бывших зэков с которыми в леспромхозах работал. Те водку с солью пили. Налил полстакана водки, чайную ложку соли туда и залпом выпил. Организм за ночь, видишь, ослаб, шёл, шатаюсь, на работу, люди поди думали, что пьяный, а я ведь, знаешь, редко употребляю. Теперь вот легче стало, потом враз так прошибло, будто душ принял. Надо было дураку сразу водку-то с солью, но мы ведь куда страдание не примем, не понимаем.

Петро замолчал, я же чуть не во весь голос:

— Что же ты врача не вызвал?

— Да не привыкши я к врачам.

Прошло немало лет, и я встретил Петра на улице, знал я, что жил он во временке, и не понимал, почему ему, долго отработавшему на заводе не дали квартиру, всё отодвигали, отодвигали очередь. Тысячи людей получили и въехали в новенькие дома улучшенной планировки, а он нет. В конечном итоге квартиру он так и не получил. При встрече по-доброму поговорили. С тех пор прошло много лет, и не видел я больше Петю. Пытался расспрашивать у заводчан, никто ничего не знал. Жив ли Петро, не знаю.

Прошло несколько дней, снова зашли друзья сына, и снова пришёл в гости Миша Красняк, почти с порога заявивший, что он голоден. Угощаю парнишонку чаем, конфетками, печеньками, а он вдруг:

— Я такие конфеты, которые вы мне, дядя Толя, дали, очень люблю.

Много чего балаболит мальчишка, а я почему-то думал, что я Петю Петруняка нынче конфетами угощал. И поди ж разбери, почему такие мысли в башку седую лезут...